

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА НАУМЕНКО*t.i.naumenko@gmail.com*

Доктор искусствоведения, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой теории музыки Российской академии музыки им. Гнесиных

121069 Москва,
ул. Поварская, д. 30–36

TATIANA I. NAUMENKO*t.i.naumenko@gmail.com*

Dr. Habil. (Doctor of Art Studies), Full Professor, Deputy Rector for Science, Head of the Music Theory Sub-department at The Gnesins Russian Academy of Music

30–36 Povarskaya St.,
Moscow 121069
Russia

АННОТАЦИЯ**DOI: 10.26176/MSC.2020.41.2.001****Кафедра теории музыки Московской консерватории: у истоков теоретического музыкознания (по материалам архивов)**

Статья посвящена первым годам деятельности кафедры теории музыки Московской консерватории (до 1936 года), когда она входила в состав историко-теоретической кафедры (руководимой М. В. Ивановым-Боретским) в качестве Методической комиссии по гармонии и полифонии. Несмотря на скромный статус, численное преобладание музыковедов-историков и общую установку на вспомогательный характер музыкально-теоретических дисциплин, ее роль имела историческое значение. Именно в те годы был заложен фундамент отечественной музыкально-теоретической науки, определивший облик и пути развития теоретического музыкознания в масштабе всей страны. Следует также подчеркнуть, что научные подходы, впервые заявленные в рамках теоретической проблематики кафедры, впоследствии (в 1960–1980-е годы) стали одним из главных факторов обновления аналитического аппарата музыкознания.

Рассмотрены важнейшие аспекты деятельности Комиссии: руководство дипломными работами музыкально-теоретической тематики, подготовка учебников — в том числе «бригадного», ставшего первым в серии учебников, выпущенных кафедрой (1934–1935). Также обнародованы некоторые малоизвестные факты, показывающие, какими трудностями сопровождалось становление отечественного музыковедения и в контексте политических обстоятельств времени, и в условиях административного давления со стороны вышестоящих организаций.

Ключевые слова: кафедра теории музыки, архивные документы, история музыкознания

ABSTRACT**DOI: 10.26176/MSC.2020.41.2.001****The Department of Music Theory of Moscow Conservatory: at the Origins of Theoretical Musicology (Based on Archives)**

The article is devoted to the Department of Music Theory of the Moscow Conservatory in the earliest period (until 1936), when it was part of the Historical and Theoretical Department (led by M. V. Ivanov-Boretzky) as the Methodical Commission for Harmony and Polyphony. Despite the modest status, the numerical predominance of music history teachers and the installation of the auxiliary nature of theoretical disciplines, its role was important. It was in those years that the foundation was laid for Russian theoretical musicology, which determined its appearance and ways of further development. It should also be emphasized that scientific approaches, first announced in the framework of the theoretical problems of the department, subsequently (in the 1960–1980s) became one of the main factors in updating the analytical apparatus of musicology. The article considers the most important aspects of the Commission: the scientific management of theses, the creation of the first textbook of harmony (1934–1935). Some little-known facts were also made public, showing the difficulties that accompanied the formation of Russian musicology in the context of the political circumstances of those years and under administrative pressure from leading organizations.

Keywords: the Department of Music Theory, archival documents, the history of musicology

Татьяна Науменко

КАФЕДРА ТЕОРИИ МУЗЫКИ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ: У ИСТОКОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

Статья посвящена некоторым страницам деятельности кафедры теории музыки в ее самый ранний период, когда она еще не имела самостоятельного статуса и входила в состав историко-теоретической кафедры — первой музыковедческой кафедры научно-композиторского факультета. Этот не слишком известный, однако во многом замечательный период сформировал характер дальнейшей деятельности музыкально-теоретического крыла консерватории, с того времени и до нынешнего дня определяющего многие магистральные пути отечественной музыкальной культуры.

Кафедра была основана на волне одной из многочисленных реорганизаций, которые на протяжении долгих лет сопровождали жизнь в консерватории. Ее первый протокол датируется 27 августа 1931 года. Пост директора тогда занимал Б. С. Пшибышевский, а сама консерватория была временно переименована в Высшую школу имени Феликса Кона¹. В том же 1931/1932 учебном году начали свою работу и другие вновь созданные кафедры: духовая, струнная, композиторская, редакторская, дирижерская, музыкальной педагогики, капельмейстерская и т. д.²

За время своего существования кафедра сменила трех заведующих: первым (1931–1934) был М. В. Иванов-Борецкий, вторым — в течение 1934 года — М. С. Пекелис, а с 1935 года — В. В. Соколов, один из авторов «бригадного» учебника.

¹ Со 2 февраля 1931 по 16 октября 1932 года.

² Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14. 1931 год.

Впоследствии на ее основе, согласно Приказам №313 по МГК от 5 октября 1936 года и №217 от 1 июня 1937 года, было создано 4 новых кафедры: истории музыки (заведующий В. Э. Ферман), две кафедры специальной теории (заведующие Л. А. Мазель и В. А. Цуккерман)³ и, несколькими месяцами позже, — кафедра истории музыки народов СССР (заведующий М. С. Пекелис)⁴. На этом фоне не до конца проясненным фактом является упоминание историко-теоретической кафедры и в более поздних документах: например, в протоколе 1939 года, в котором за подписью заведующего Соколова присуждена степень кандидата искусствоведения без защиты диссертации С. С. Скребкову, а ученое звание профессора — И. И. Дубовскому, Л. А. Мазелю и В. А. Цуккерману⁵. Поэтому вопрос о точных сроках реорганизации кафедры и о полноте исполнения приказа 1936 года еще предстоит уточнить.

В состав кафедры входили три постоянные методические комиссии: одна историческая — самая крупная, и две теоретические: комиссия гармонии и полифонии и комиссия анализа. В число историков кафедры в разные годы входили М. В. Иванов-Борецкий, А. А. Альшванг, М. С. Брук, Д. В. Житомирский, К. В. Квитка, Ю. В. Келдыш, К. А. Кузнецов, Б. В. Левик, Т. Н. Ливанова, Л. Л. Магазинер, М. С. Пекелис, И. Я. Рыжкин, В. Э. Ферман, А. А. Хохловкина; в число теоретиков — Н. Я. Брюсова, И. И. Дубовский, С. В. Евсеев, Д. Б. Кабалевский, Л. А. Мазель, Н. П. Раков, С. С. Скребков, В. В. Соколов, И. В. Способин, В. А. Цуккерман, К. Г. Шотниев.

В таком составе кафедра приняла на себя комплекс самых разнообразных вопросов, среди которых были: разработка новых программ и составление учебных планов по всему спектру дисциплин, включая общественно-политические; создание учебников по профильным дисциплинам кафедры — прежде всего, гармонии и истории музыки; руководство дипломными работами студентов; обсуждение издательских планов Музгиза и т. д. К этому прибавлялась огромная общественная работа, включавшая помощь консерваториям, вновь создаваемым в других городах СССР; составление программ концертов для рабочих организаций Москвы; участие в «картофельных субботниках» и другие обязательства, характерные для того времени.

Заседания кафедры проходили в различных вариантах: то в полном составе, то в расширенном — с привлечением студентов и аспирантов, то по методическим секциям, то в виде бюро, пленума или производственного совещания историко-теоретической специальности и т. д. Иногда заседания длились по многу часов, допоздна: об этом свидетельствуют пометки в протоколах — «Преподаватели массово покидают кафедру». Собрание

³ Ссылка на Приказ №313 по МГК от 5 октября 1936 года содержится в диссертации С. С. Голубенко [3, 16].

⁴ Образована Приказом по МГК №217 от 1 июня 1937 года. См.: [8, 148].

⁵ Характеристики профессорско-преподавательского состава Историко-теоретической кафедры. 1938–1939 годы. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 1072.

могло закончиться даже глубокой ночью: это было вполне в духе тех лет — например, композиторы заседали, бывало, и до 5 часов утра.

Бытовая обстановка тоже не отличалась упорядоченностью. Нередкими были длительные задержки зарплаты, начисляемой к тому же по устаревшим скудным нормам, нехватка талонов на питание и даже увольнения по «недостатку финансирования». Так, в мае 1931 года одним из уволенных 16 профессоров консерватории оказался С. В. Евсеев. Правда, после подачи заявления в Расценочно-конфликтную комиссию он был восстановлен решением общего собрания [12, 208, 209], и это имело, без сомнения, историческое значение, так как уже в следующем году Евсеев был назначен «бригадиром» по программе гармонии, на основе которой впоследствии был разработан знаменитый учебник.

Из множества многоликих обязанностей единственное, что в первые два года работы кафедры находилось за пределами ее ответственности, — это ведение научной работы. Она была целиком сосредоточена в Научно-исследовательском музыкальном институте (НИМИ). При этом значительную ее часть выполняли все те же педагоги-музыковеды. Это влекло за собой двойные обязательства и оторванность исследовательской деятельности от учебной, о чем также не раз говорилось на заседаниях кафедры.

Каждый год в НИМИ составлялся план исследований, который выносился на широкое обсуждение и затем согласовывался с кафедрой; в случае необходимости предполагалось приглашение внештатных музыковедов. Например, на 1933 год было запланировано три тематических направления: 1) марксистско-ленинская идеология в области истории музыки; 2) развитие советской музыкальной критики; 3) проблемы современности и их связь с прошлым⁶. Музыкально-теоретические проблемы в этом плане практически не учитывались.

Однако положение постепенно менялось. В протоколе производственного совещания кафедры от 20 февраля (?)⁷ 1933 года было зафиксировано:

... До 1.01.1933 года научную работу кафедра не ставила в центр своей работы, ибо этим должен был заниматься Научно-исследовательский институт. Однако слабое развертывание работы в институте заставило кафедру с 1 января включить в свою методическую работу также и научную. Проведены научные заседания, где ставились доклады о методологических предпосылках к анализу музыкальных произведений, о книге Веприка⁸, практические замечания о книге Пшибышевского⁹ и пр. Большое значение имеют также учебники по гармонии, сольфеджио, подготовительные работы по написанию учебников по истории музыки и другие.

⁶ Протоколы совещаний отделов консерватории. 1933. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 746. Л. 27.

⁷ В протоколе месяц указан неразборчиво.

⁸ Веприк А. О методах преподавания инструментовки. К вопросу о классовой обусловленности оркестрового письма [2].

⁹ Пшибышевский Б. Бетховен. Опыт исследования [10].

Также было решено «возбудить перед Методсоветом вторично вопрос о необходимости перехода с 4 1/2 лет до 5, считая, что нагрузка учебного плана не позволяет студентам по-настоящему овладеть специальностью»¹⁰. В соответствии с новыми научными обязательствами были перераспределены и аспирантские места между кафедрой и НИМИ: аспиранты по исторической и теоретической специальностям поступали в ведение кафедры, а по отсутствующим на кафедре акустике и этнографии (4 места) оставались в институте¹¹.

Немного расскажу о студентах кафедры.

Среди них в те годы также преобладали историки — об этом свидетельствует тематика дипломных работ, которая затем находила продолжение и в аспирантуре. Например, в 1936/37 учебном году выпускники кафедры представили 4 теоретические темы и 12 исторических. Вот лишь некоторые.

По классу И. В. Способина:

В. Берков. Фантастика в опере «Руслан и Людмила»;

По классу В. Э. Фермана:

Е. Грошева. Мелодрама и жанр в операх Пуччини;

И. Нестьев. Балакирев 1850–60-х годов и его инструментальная музыка;

Б. Ярустовский. «Пиковая дама» Чайковского;

По классу В. А. Цуккермана:

З. Городецкая. Программный симфонизм Римского-Корсакова;

В. Мызников. Скрябин. Прелюдии первого периода;

Г. Резник. Методика общего курса гармонии в музыкальном училище;

По классу Л. А. Мазеля:

В. Протопопов. Последняя соната Бетховена (к проблеме позднего Бетховена).

Решение о раздельной специализации выпускников — историков и теоретиков, начиная с I курса, — было принято на заседании кафедры 25 апреля 1933 года; соответственно, несколько различались и учебные планы. Так, в учебном плане по исторической специальности наибольшее количество часов — 192 на первых трех курсах и 96 и 80 соответственно на четвертом и пятом курсах — приходилось на историю западноевропейской музыки; на историю русской музыки и историю советской музыки отводилось по 144 часа. Музыкально-исторический семинар и специальный семинар проводились в объеме 96 часов ежегодно. Учебный план теоретической специальности в качестве основной дисциплины предполагал изучение гармонии на двух курсах в объеме соответственно 96 и 72 часов, полифонии

¹⁰ Протоколы совещаний отделов консерватории. 1933. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 746. Л. 29.

¹¹ Протоколы научных заседаний историко-теоретической кафедры на 1933/34 уч. год. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 732. Л. 41.

(на втором и третьем курсах) в течение 72 и 96 часов, однако к этому прибавлялся еще один предмет — анализ гармонических и полифонических форм, на который отводилось по 96 часов в течение четырех курсов. Также обучение теоретиков предполагало курс инструментовки — по 96 часов со второго по четвертый курсы — и практического сочинения; у историков этих дисциплин не было¹².

Места распределялись с учетом этих специализаций. Выбор предоставлялся самому студенту как при поступлении, так и при переходе с той или иной специальности. Один из таких переходов произошел в 1934 году, когда реорганизация постигла редакторское отделение кафедры в связи с переводом его в аспирантуру. 25 мая состоялось совещание Историко-теоретической кафедры с участием студентов 1, 2 и 3 курсов, которые высказали пожелания относительно своего дальнейшего обучения в консерватории. Эти пожелания достаточно определенно показывают приоритеты времени. Так, Л. Горохова, И. Нестьев и И. Мартынов выбрали историческую специальность, и только В. Протопопов — теоретическую.

Позднее такое разделение было упразднено. На производственном совещании кафедры 10 июня 1936 года заново разработанный специальный цикл для историков и теоретиков был объявлен одинаковым на двух первых курсах; специализация начиналась с третьего, одновременно с введением практики научного руководства. При этом заведующий кафедрой В. В. Соколов позволил студентам совмещать обе специальности¹³.

Как уже отмечалось, на кафедру нередко приглашались студенты — они участвовали в обсуждении самых разных вопросов. Слово студента, по-видимому, было достаточно весомым; это позволяло некоторым из них высказываться на таких заседаниях достаточно требовательно.

В этом контексте один документ кажется особенно примечательным. Речь идет о протоколе заседания кафедры, посвященного переходу на пятилетний срок обучения и очередному изменению учебных планов. Произошло это в начале 1934 года, когда кафедру принял М. С. Пекелис и в новом статусе проводил свое первое заседание.

Известно, что еще во времена «пшибышевщины» учебный план консерватории пополнился целым рядом общественно-политических и военных дисциплин. В некоторых источниках указывается, что избыточное внедрение таких предметов послужило причиной ухода талантливых профессоров, не согласных с новой политикой консерватории [9, 551]. В числе обязательных дисциплин находились история классовой борьбы, а также политэкономия, диамат, ленинизм и теория современного хозяйства.

Студенты, приглашенные на заседание кафедры, заняли весьма критическую позицию. Студент Лев Христиансен выступил против расширения

¹² Протоколы произв. совещаний отделов консерватории. РГАЛИ. Ф. 648, оп. 14, ед. хр. 746. Л. 16, 17.

¹³ Производственное совещание Историко-теоретической кафедры 10.06.1936 г. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 908. Л. 4.

предмета «история классово́й борьбы», заявив, что его должен знать каждый человек уже при поступлении в консерваторию. «Мы работаем, как каторжане, — заявил Христиансен. — При истории музыки у нас получается параллелизм. Я считаю, что если нет выхода на сокращение дисциплин, то <...> надо найти часы для домашней проработки». Студентка Валентина Конен добавила: «На первом курсе нет времени заниматься даже историей музыки <...>. У нас есть знания по политэкономии. Я предлагаю делать занятия по политэкономии 1 раз в 2 шестидневки». Студент 4 курса Алексей Иконников напомнил, что курс истории музыки дополнен советской музыкой, которую нужно обстоятельно изучать, а времени по новому учебному плану почти не остается. В связи с этим он предложил добиваться факультативного посещения военных дисциплин¹⁴. К счастью, с течением времени все разрешилось само собой: занятия по стрелковому делу были приостановлены, так как, по сообщению военрука консерватории тов. Бунина, в консерватории закончились патроны¹⁵.

Однако вернемся к внутренним делам кафедры.

18 июня 1933 года М. В. Иванов-Борецкий выступил с отчетом о первых итогах научной деятельности кафедры, в котором сообщил о завершении работы над программами по всем учебным дисциплинам. Тогда же произошло и назначение коллектива авторов для работы над первым учебником гармонии. В этот день впервые прозвучали их имена: Евсеев, Дубовский, Соколов и Способин¹⁶. Поскольку подготовить учебники по другим предметам кафедры в короткий срок не представлялось возможным, было принято временное решение — приглашать на лекции стенографистку и затем издавать конспекты в виде учебных пособий.

К обсуждению были также представлены три первые научные работы: «Анализ музыкального произведения: Аппассионата Бетховена» Н. Я. Брюсовой; «Гармонический стиль Мусоргского» Ю. В. Келдыша и «Критические замечания на книгу Пшибышевского “Бетховен”» М. В. Иванова-Борецкого. С этого времени труды педагогов стали ежегодно включаться в научные планы кафедры. Их тематика не ограничивалась областью остро необходимых учебно-методических вопросов, охватывая широкий спектр проблем, иногда даже выходящих за пределы музыковедения в общенаучное пространство. Например, С. С. Скребков публиковал свои труды не только в музыковедческих изданиях, но и в «Журнале технической физики» АН СССР — в них исследовались проблемы звука.

В конце 1933 года прошла очередная чистка ячейки ВКП(б) при МГК, итогом которой стали выводы о появлении в курсах гармонии и полифонии

¹⁴ Протоколы научных заседаний историко-теоретической кафедры на 1933/34 уч. год. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 732. Л. 11.

¹⁵ Производственное совещание историко-теоретической кафедры 10.06.1936 г. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 908. Л. 4.

¹⁶ Протокол производственного совещания историко-теоретической кафедры от 18 июня 1933 года. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 704. Л. 1, 2.

формалистического уклона. На заседании кафедры 17 декабря В. А. Цуккерман упрекнул заведующего кафедрой, что вопрос о принципах музыкально-теоретического образования не обсуждался с осени 1932 года. «Направление музыкально-теоретических курсов таково, — сказал Цуккерман, — что музыка разбирается как звуковой материал без элементов историзма. Отдельные элементы произведения оторваны друг от друга»¹⁷. Н. Я. Брюсова охарактеризовала теоретический цикл как «слабое звено» кафедры, доставшееся в наследство еще от старых времен. По ее словам, «бороться с формализмом еще очень трудно, ибо практика наша все-таки больше пропитана именно формальными элементами, имеющими большую традицию, опыт и т. д.»¹⁸. Ю. В. Келдыш предложил с целью преодоления формализма в преподавании теоретических предметов строить их на анализе образцов советской музыки. В тот период пренебрежение советским музыкальным материалом могло обойтись дорого: недаром позже, на волне уже всеобщей борьбы с формализмом, Л. В. Кулаковский в журнале «Советская музыка» буквально громил учебник по элементарной теории музыки ленинградского теоретика С. А. Павлюченко (1938). Подчеркивая один из его главных недостатков, Кулаковский утверждал:

Прежде всего бросается в глаза полное отсутствие в основном тексте книги примеров из советского музыкального творчества. Два раза, правда, встречается фамилия А. Александрова, но один из этих образцов — баскская мелодия, другой — мелодия с Гебридских островов... Отнести эти примеры в счет советского музыкального творчества — никак невозможно <...>. Если сопоставить с этим досадным пробелом использование таких старинных и малоупотребительных авторов, как Преториус, Фрескобальди и Пери <...>, то этот промах автора окажется неслучайным, но результатом ретроспективности вкусов, совсем неожиданной у советского автора¹⁹.

На таком фоне работа над учебником гармонии и периодические отчеты «бригады» были более чем своевременными: к этому моменту накопилось множество и других проблем, связанных с преподаванием теоретических предметов. Даже внутри кафедры они неизменно получали такие определения, как «формальные» дисциплины, «технологические» дисциплины... Еще хуже было то, что преподавание теории жестко критиковалось на встречах дирекции консерватории с руководителями кафедр. Теоретикам традиционно доставалось больше всех: их упрекали в том, что студенты плохо знают даже самые простые вещи — например, вокалисты не знают басового ключа, переводники с Рабфака не владеют нотной грамотой и т. д. Звучали предложения рассредоточить теоретиков по исполнительским

¹⁷ Протоколы научных заседаний историко-теоретической кафедры на 1933/34 уч. год. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 732. Л. 56.

¹⁸ Там же. Л. 57, 58.

¹⁹ Кулаковский Л. В борьбе за советский учебник теории музыки. РГАЛИ. Ф. 654, оп. 1, ед. хр. 161. Л. 31.

кафедрам. В этом случае к каждой из них был бы прикреплен свой собственный педагог, который в преподавании учитывал прежде всего специфику именно своего отделения и нес бы всю полноту ответственности за теоретическую грамотность студентов²⁰.

Однако преподаватели историко-теоретической кафедры, понимая возможные последствия такого рассредоточения, искали иные способы решения проблемы. Необходимость ускорить разработку программ и учебников звучала все более настойчиво. Одновременно шли поиски методологического обоснования комплекса теоретических дисциплин. В связи с этим Методическая комиссия по гармонии и полифонии в 1934 году пригласила профессора Ленинградской консерватории Ю. Н. Тюлина для выступления с докладами «О практических методах преподавания гармонии». Их полный конспект, с таблицами и схемами, вместе со стенограммами дискуссий, приобщен к протоколам кафедры. Речь шла об основах функциональной теории. Доклады вызвали интерес и проходили при большом стечении слушателей. В дискуссиях участвовали и теоретики, и историки, включая аспирантов. По итогам кафедра приняла резолюцию: в ней функциональная теория противопоставлялась формалистическим буржуазным учениям эпохи империализма, что заключалось в постановке принципиального вопроса «о связи различных элементов музыкального целого между собой»²¹. Это, среди прочего, предполагало необходимость сохранения историко-теоретической кафедры как научного центра по разработке комплексной методологии.

Вероятно, складывающуюся политическую обстановку и нарастание негативных коннотаций вокруг слова «формализм» следует рассматривать в числе веских причин, побудивших педагогов кафедры ускорить разработку также и целостного анализа. Об этом свидетельствует и сама лексика обсуждений — от «комплексного» к «целостному», от разрозненности элементов к их соединению. С этим же связано и возникновение традиции посвящать исследование произведению целиком — на кафедре даже ставился под сомнение вопрос о праве музыковеда изучать отдельные стороны сочинения. Несколько месяцев спустя Л. А. Мазель во введении к работе «Фантазия f-moll Шопена. Опыт анализа» писал о необходимости направить аналитические усилия на взаимодействие элементов в музыкальном произведении, которое объединяет их в художественное целое²². Отголоски подобного рода исследований еще много лет присутствовали в музыковедческих трудах, включая дипломные работы студентов и диссертации

²⁰ Протоколы заседаний Методического и Художественного советов МГК. 1933/34 годы. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 724. Л. 17–18.

²¹ Методическая комиссия по гармонии и полифонии историко-теоретической кафедры МГК. Резолюция, принятая в итоге обсуждения докладов проф. Тюлина 16.02.1934 г. // Протоколы научных заседаний историко-теоретической кафедры на 1933/34 уч. год. РГАЛИ. Ф. 658, оп. 14, ед. хр. 732. Л. 22.

²² Работа опубликована в книге: Мазель Л. Исследование о Шопене [7].

аспирантов. Одним из примеров может служить обсуждение монографии В. А. Цуккермана «“Камаринская” Глинки и ее традиции в русской музыке», состоявшееся на заседании Секции музыкальной критики Союза композиторов СССР в феврале 1958 года. Протокол обсуждения хранится в неопубликованных документах журнала «Советская музыка»²³. Примечательно, что практически все выступавшие, в числе которых были бывшие коллеги по историко-теоретической кафедре В. О. Берков, Л. А. Мазель и М. С. Пекелис, говорили о преодолении дифференциации отдельных дисциплин и движении в сторону «трудов синтетического типа», объединяющих ряд теоретических и исторических проблем вокруг основной темы. Жанр монографии, целиком посвященной одному произведению, Пекелис назвал оригинальным и новаторским.

Сам Цуккерман уже в предисловии обращал внимание на несообразность объема монографии и сравнительно небольшого музыкального произведения, обосновывая это значительностью исследуемого им художественного материала. Вероятно, масштаб этой почти 500-страничной книги позволил некоторым современным исследователям говорить о ней как о «монументальной коде титанической работы по созданию образа “советского” Глинки» [11, 554]. Однако мне хотелось бы сделать другой акцент, обратив внимание не на внешние параметры исследования Цуккермана и тем более не на время появления, позволяющее автоматически причислять его к закономерным продуктам сталинской эпохи. Некоторые идеи, воплощенные в этой книге, несмотря на фрагменты характерной для того времени аргументации и лексики, находились в центре внимания не только музыковедов, но и филологов. Среди самых ярких тому примеров — исследование «постформалиста» М. М. Бахтина, получившее дальнейшее развитие в трудах отнюдь не советских, а, напротив, именно западных исследователей [16]. В этом контексте можно было бы вспомнить, в частности, французского литературоведа Ролана Барта с его новаторским подходом к литературному сочинению, знаменовавшим переход исследователя к особым аналитическим стратегиям. Разумеется, безотносительно идей Цуккермана, Барт возвел анализ отдельного произведения в ранг специальной методологической проблемы, положив начало направлению постструктурализма в науке. Речь идет о книге 1970 года «S/Z» объемом в 232 страницы, целиком посвященной анализу небольшой 30-страничной новеллы Бальзака «Сарразин» [1]. Рассматривая указанный труд в сопоставлении с подходами целостного анализа, можно отметить несомненное сходство аналитических стратегий, включающих и поэтику восприятия, и наличие исследовательской интриги, и, наконец, рассмотрение произведения в связи его элементов и в отношении к другим — предшествующим

²³ Обсуждение монографии В.А. Цуккермана «“Камаринская” Глинки и ее традиции в русской музыке». РГАЛИ. Редакция журнала «Советская музыка» (Москва, 1933–1992). Ф. 654, оп. 4, ед. хр. 1083. Л. 8–12.

и последующим, образующим поле культурной традиции. Примечательно, что первые идеи такого рода Мазель и Цуккерман высказали еще в апреле 1934 года.

Важно отметить, что аналитические наблюдения книги Цуккермана продолжают дополняться и в последующих исследованиях, в том числе зарубежных [4]; [6]; [12]; [15]; [17]. Один из последних примеров — превосходная статья Е. М. Левашева (2019), название которой содержит явную аллюзию на книгу Цуккермана — ««Камаринская» Глинки и ее мифология в русской культуре» [5]. В ней исследователь, излагая полуторавековую мифологизацию «Камаринской», тем не менее, книгу Цуккермана в этот контекст не вписывает. Более того, описание особенностей музыкальной драматургии и жанровых истоков этого сочинения Левашев определяет как намерение «продолжить изыскания ученого».

К концу 1930-х годов, когда многие вчерашние выпускники вошли в педагогический состав консерватории, на кафедре уже были подготовлены учебники по всем профильным дисциплинам: гармонии, сольфеджио, истории западноевропейской и русской музыки. В план Музгиза был включен ряд научных работ преподавателей кафедры, которые начали публиковаться примерно с середины 1930-х годов. Как известно, научная работа не прекращалась и в годы войны: находясь в эвакуации в Саратове, педагоги продолжали работать, защищать диссертации и выступать оппонентами.

Когда в 1942 году вновь назначенный директор консерватории В. Я. Шебалин на заседании Художественного совета предложил заново объединить историко-теоретический и композиторский факультеты, ему возразили музыковеды Н. А. Гарбузов, Р. И. Грубер и, что особенно ценно, пианистка М. В. Юдина. В их выступлениях было отмечено, что «большим достижением советской консерватории стало создание историко-теоретического факультета как самостоятельного, чего нет ни в одной консерватории мира, что предполагаемое слияние лишит нас учебного и научно-методического центра в области истории и теории музыки и нанесет ущерб в подготовке кадров музыковедов»²⁴. Шебалин с доводами согласился, однако при этом отметил, что научно-методическими и исследовательскими центрами являются уже не факультеты, а кафедры²⁵.

В контексте всего сказанного вспоминается фраза И. В. Способина, процитированная Ю. Н. Холоповым в одной из его публикаций [14, 73]. Осерчав на нерадивого студента, Способин как будто бы грозился: «В историки отдам!» Привожу эти слова в одном-единственном смысле: показать, как за короткое время сугубо вспомогательная, «формальная», «технологическая» специализация, за которой поначалу никто не хотел видеть никакого серьезного научного потенциала, поднялась на высший уровень

²⁴ Протокол №1 заседания Художественного совета Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского от 23 декабря 1923 года. РГАЛИ. Ф. 548, оп. 13, ед. хр. 9. Л. 56.

²⁵ Там же.

востребованности. Это произошло на фоне таких событий, как реорганизации и чистки, увольнения и борьба с формализмом, война, эвакуация и реэвакуация, 1948 год и еще множество других драматических и трагических событий. И какие бы глубокие проблемы и широкие аспекты ни рассматривала сегодняшняя теория музыки, нам не следует забывать, с чего всё начиналось.

Использованная литература

1. *Барт Р. S/Z* / Пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат; общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова; 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. *Веприк А.* О методах преподавания инструментовки. К вопросу о классовой обусловленности оркестрового письма. М.: Музгиз, 1931. 108 с.
3. *Голубенко С. С.* Московская консерватория в предвоенный период и в первые годы Великой Отечественной войны. Дисс... канд. иск. Нижний Новгород, 2011. 363 с.
4. *Григорьева Г. В.* Метод целостного анализа В. А. Цуккермана: традиция и её обновление в современной отечественной науке // Журнал ОТМ. 2014. №4 А. С. 25–30 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-otmroo.ru> (дата обращения: 20.05.2020).
5. *Левашев Е. М.* «Камаринская» Глинки и ее мифология в русской культуре // Музыкальная академия. 2019. №2. С. 54–68.
6. *Лобкова Г. В.* Истоки музыкальных тем «Камаринской» М. И. Глинки в фольклорных традициях Смоленщины // Эпоха М. И. Глинки. Музыка. Поэзия. Театр: материалы Всероссийской научно-практической конференции (25–26 апреля 2007 г.) (Новоспасский сборник. Вып. IV). Смоленск: Департамент Смоленской области по культуре, 2007. С. 105–122.
7. *Мазель Л.* Исследование о Шопене. М.: Музгиз, 1937. 184 с.
8. Московская консерватория. 1866–2016. Энциклопедия: в 2 томах. Т. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 672 с.
9. Московская консерватория. 1866–2016. Энциклопедия: в 2 томах. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 816 с.
10. *Пишибышевский Б.* Бетховен. Опыт исследования. Москва; Вена — Лейпциг: Музгиз; Универсальное издательство, 1932. 220 с.
11. *Раку М.* Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 720 с.
12. *Рыжкин И. Я.* О вкладе Л. А. Мазеля в музыкознание XX века // Музыкальная академия. 2001. №4. С. 116–120.
13. Сергей Васильевич Евсеев. Фрагменты записных книжек: 1922–1932 / Вступительная статья, публикация и комментарии Бобрик О. А. // Искусство музыки: теория и история. 2015. №12. С. 164–220. [Электронный ресурс] URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/313/2015_12_bobrik.pdf (дата обращения: 20.05.2020).
14. *Холопов Ю.* Теоретическое музыкознание как гуманитарная наука. Проблема анализа музыки // Советская музыка. 1988. №9. С. 73–79.

15. *Carpenter E.* The Theory of Music in Russia and The Soviet Union from 1650 to 1950. University of Pennsylvania. ProQuest Dissertations Publishing, 1988. AAI8824722 [Электронный ресурс] URL: <http://repository.upenn.edu> (дата обращения: 20.05.2020).
16. *Seiffert P.* Soviet literary structuralism: Background, debate, issues. Columbus: Slavica, 1985. 378 p.
17. *Zavlunov D.* The «tselostnyĭ analiz» (holistic analysis) of Zuckerman and Mazel // Music Theory Online. Vol. 20. №3 (September 2014). [Электронный ресурс] URL: <https://mtosmt.org/issues/mto.14.20.3/mto.14.20.3.zavlunov.html> (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. Bart, R. (2001). *S/Z*, translated by G. K. Kosikov and V. P. Murat, edited and article by G. K. Kosikov, 2nd edition, corrected. Moscow, Editorial URSS. (in Russian).
2. Veprik, A. (1931). *O metodah prepodavanija instrumentovki. K voprosu o klassovoj obuslovlennosti orkestravogo pis'ma* [On the Methods of Teaching Instrumentation. To the Question of the Class Conditionality of Orchestral Writing]. Moscow, Muzgiz. (in Russian).
3. Golubenko, S. S. (2011). *Moskovskaja konservatorija v predvoennyj period i v pervye gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Moscow Conservatory in the Pre-War Period and in the First Years of World War II], Ph. D. Thesis. Nizhnij Novgorod. (in Russian).
4. Grigor'eva, G. V. (2014). Metod celostnogo analiza V. A. Cukermana: tradicija i ejo obnovlenie v sovremennoj otechestvennoj nauke [The Method of Holistic Analysis of V. A. Zuckerman: Tradition and its Updating in Modern Russian Science]. *Zhurnal Obshchestva Teorii Muzyki* [Journal of the Society for Music Theory], No. 4 A/2014, 25–30. Available at: <http://www.journal-otmroo.ru> (accessed 20.05.2020). (in Russian).
5. Levashev, E. M. (2019). “Kamarinskaja” Glinki i ee mifologija v russkoj kul'ture [Glinka's “Kamarinskaya” and its Mythology in Russian Culture]. *Muzykal'naja akademija* [Music Academy], No. 2/2019, 54–68. (in Russian).
6. Lobkova, G. V. (2007). Istoki muzykal'nyh tem “Kamarinskoj” M. I. Glinki v fol'klornyh tradicijah Smolenshhiny [The Origins of the Musical Themes of “Kamarinskaya” M. I. Glinka in the Folk Traditions of the Smolensk Region]. In *Epoha M. I. Glinki. Muzyka. Pojezija. Teatr: materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [The Era of M. I. Glinka. Music. Poetry. Theater: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference], Novospasskij sbornik, Vyp. IV, 105–22. Smolensk: Departament Smolenskoj oblasti po kul'ture [Department of Culture of the Smolensk Region]. (in Russian).
7. Mazel', L. (1937). *Issledovanie o Shopene* [Study on Chopin]. Moscow, Muzgiz. (in Russian).
8. _____ (2016). *Moskovskaja konservatorija 1866–2016* [Moscow Conservatory 1866–2016], Encyclopedia, in 2 vols., Vol. 1. Moscow, Progress-Tradicija. (in Russian).
9. _____ (2016). *Moskovskaja konservatorija 1866–2016* [Moscow Conservatory 1866–2016], Encyclopedia, in 2 vols., Vol. 2. Moscow, Progress-Tradicija. (in Russian).

10. Pshibyshevskij, B. (1932). *Bethoven. Opyt issledovanija* [Beethoven. Attempt of Research]. Moscow, Muzgiz; Vienna—Leipzig, Universal Edition. (in Russian).
11. Raku, M. (2014). *Muzykal'naja klassika v mifotvorchestve sovetskoj epohi* [Classical Music in the Myth-Making of the Soviet Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
12. Ryzhkin, I. Ja. (2001). O vklade L. A. Mazelja v muzykoznanie XX veka [On the L. A. Mazel's Contribution to the Musicology of the 20th Century]. *Muzykal'naja akademija* [Music Academy], No. 4/2001, 116–120. (in Russian).
13. _____ (2015). Sergej Vasil'evich Evseev. Fragmenty zapisnyh knizhek: 1922–1932 [Sergej Vasilievich Evseev. Fragments of Notebooks 1922–1932], preface, publication and commentary by O. A. Bobrik. *Iskusstvo muzyki: teorija i istorija* [Art of Music. Theory and History], No. 12/2015, 164–220. Available at: http://imti.sias.ru/upload/iblock/313/2015_12_bobrik.pdf (accessed 20.05.2020). (in Russian).
14. Holopov, Ju. (1988). Teoreticheskoe muzykoznanie kak gumanitarnaja nauka. Problema analiza muzyki [Theoretical Musicology as a Humanities. Music Analysis Problem]. *Sovetskaja muzyka* [Soviet Music], No. 9/1988, 73–79. (in Russian).
15. Carpenter, E. (1988). *The Theory of Music in Russia and The Soviet Union from 1650 to 1950*, Ph. D. Thesis, University of Pennsylvania, ProQuest Dissertations Publishing, 1988. AAI8824722. Available at: <http://repository.upenn.edu> (accessed 20.05.2020).
16. Seyffert, P. (1985). *Soviet Literary Structuralism: Background, Debate, Issues*. Columbus, Slavica.
17. Zavlunov, D. (2014). The «Tselostnyĭ Analiz» (Holistic Analysis) of Zuckerman and Mazel. *Music Theory Online*, Vol. 20, №3 (September 2014). Available at: <https://mtosmt.org/issues/mto.14.20.3/mto.14.20.3.zavlunov.html> (accessed 20.05.2020).